

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*И звезды
любят уметь*

Елена Арсеньева
Последнее танго в
Одессе (Вера Холодная)
Серия «И звезды любить умеют»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138445

И звезды любить умеют: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07298-5

Аннотация

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

23

Елена Арсеньева

Последнее танго в Одессе (Вера Холодная)

Под небом знойной Аргентины,
Где женщины опасней тины,
Под звуки нежной мандолины
Танцуют там танго...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!

Плотный, коротконогий человек с узкими глазами, сидящий на стуле с розовым шелковым сиденьем и неудобной гнутой спинкой, фальшиво напевал себе под нос песенку из модной фильма¹ «Последнее танго» и мрачно смотрел в ок-

¹ Автор употребляет это слово в его изначальной форме – в женском роде. Именно в такой форме слово «фильма» пришло в русский язык, именно таким образом употреблялось до языковой реформы 1923 года, когда ему был придан мужской род декретом Совнаркома (так же, как и слову маневр, которое тоже раньше было женского рода – «маневра»).

но подвальной комнатенки, сквозь которое была видна только маленькая краюшка этого мира: обрезок тротуара с выщербленными камнями и – редко-редко! – чья-нибудь нога, шагающая мимо. Окошко было такое малехонькое, что вторая нога прохожего мелькнуть просто не успевала, а оттого казалось, будто все одесситы вдруг взяли дурную привычку ходить на одной ноге.

В далекой южной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине, —
Там Джо влюбился в Кло...
Чуть зажигался свет вечерний,
Она плясала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Манящее танго!

– Слушай сюда, Джо, то есть Кло, то есть – тьфу! – Моня, – сказал широкоплечий человек с узкими глазами, переставая петь. – Слушай сюда! Моня, смаклеруй мне это дело, и ты не будешь знать беды и нужды никогда в жизни.

Моня Цимбал – тощий и горбоносый сын башмачника Цимбала с Малой Арнаутской улицы – посмотрел на человека с узкими глазами и вздохнул.

Спорить с ним мог только сумасшедший, а Моня не был сумасшедшим. Но все же он не был и мелким бычком, какого торговки на Привозе постыдятся выложить на прилавок,

а оставят лежать на дне корзины, среди такой же пучеглазой рыбьей мелочи, в надежде, что попадется же какой-нибудь слепой дурень и купит этих бычков, «мелких, як воши». Моня не был бычком, а потому не мог не возразить.

– Миша, ты знаешь, что я готов сделать твое дело так же охотно, как матрос с «Синопа», который месяц жрал только гнилую солонину, готов пойти покушать орехового мороженого в заведении Кочубея в городском саду, – сказал печально Моня. – И все-таки, Миша, прости меня за эти слова, ты уверен, что хочешь прищемить мошонку Лёше Гришину-Алмазову? Ты хочешь, чтобы потом он снова прошелся турецким маршем по нашей Молдаванке, похлеще, чем в прошлый раз? Ты этого хочешь?

– Я не хочу этого так же, как невеста не хочет прыщей на спине, – сказал человек с узкими глазами, которого звали Миша. – Но душа Гришина-Алмазова черней, чем вороная масть вороного коня. Прищемим мы ему стыдное место или нет, он все равно не отстанет от нашей Молдаванки, пока не насосется крови, как тrefная свинья. Но мне надоело сидеть в этом подвале и смотреть божий мир с овчинку. Мы не дадим ему все время ходить с козырей. Хоть раз, да сорвем банк! Мы бросим ему нашего шута². Им будешь ты, Моня.

Человек, которого звали Миша, поднялся со стула и уставил в Моню Цимбала свои узкие глаза. Моне почудилось, что в него вонзилось два узких ножичка: один в правое под-

² Т.е. джокера.

реберье, другой – в левое.

– О чем он только думал, этот Лёша Гришин-Алмазов? – всплеснув толстыми, короткопалыми ладонями, спросил человек по имени Миша. – Он хотел дать по морде бедным одесским вора́м, получить доброе слово от вертлявого консула Энно, поиметь самую красивую женщину в России в частности и во всей Одессе-маме вообще... Но нельзя ждать от доброго боженьки всего сразу. Что-то Лёше Гришину-Алмазову придется отдать взамен! И он отдаст, потому что так хочу я, Миша Япончик, король Молдаванки. А теперь, Моня, иди! Миша говорит мало, и он уже все сказал. Да и вообще, нужны ли тут слова?..

– Я иду, – обреченно сказал Моня Цимбал. – Я иду, Миша, но помяни мое слово – ты ошибаешься.

– Ошибаются все, даже Бог, – безмятежно сказал Миша, двумя толстыми пальцами (на каждом сидело по два бриллиантовых перстня, рассыпающих снопы искр) берясь за борт своего пиджака. Моня знал, что под мышкой Миша Япончик, король Молдаванки, носит «велодог»³. Револьвер был маленький, чтобы не портить оранжевого пиджака в обтяжку, однако из него Миша стрелял так же ловко и стремительно, как авиатор Уточкин делал вираж над Лонжероном на своем лупоглазом курносом самолетике, похожем на стрекозу.

Однако Моня вышел еще быстрее. При этом он успел при-

³ Марка револьвера.

хватить из прихожей огромный, шуршащий, окутанный бумагой сверток. От свертка пахло нежно-нежно, сладко-сладко, однако Моня старательно воротил от него свой горбатый нос.

Прикрывая дверь, он услышал, как скрипнул стул с розовым сиденьем и гнутой спинкой под грузным телом короля Молдаванки, а потом раздался безмятежный, фальшивый голос:

Но вот однажды с крошечной эстрады
Ее в Париж увез английский сэр...
В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах,
С шампанским в узеньких бокалах
Проводит ночи Кло.
Поют о страсти нежно скрипки,
И Кло, сгибая стан свой гибкий
И рассыпая всем улыбки,
Танцует вновь танго...

Моня Цимбал шел по улицам Одессы-мамы, держа сверток на отлете, упрятав нос в воротник хилого пальтеца, уткнув глаза в землю. Впрочем, у Мони, наверное, было четыре глаза, потому что он умудрялся вовремя перебежать на другую сторону улицы, если впереди показывались французские легионеры или сенегальские стрелки, похожие своим обмундированием на оперение ярких тропических птиц. Вот

только «птицы» эти были чернокожие.

Иногда сенегальцы вели за собой ослов, которые уже вполне освоились в Одессе, и копыта их не слишком разъезжались на мостовой – не то что в первые дни после высадки войск Антанты!

Пробегая мимо синематографа «Киноуточкино», Моря вынул нос из воротника и посмотрел на огромную афишу. На афише был нарисован коленопреклоненный молодой красавец во фраке и белом жилете. Молодой человек дико тарасил глаза на узкий тонкий кинжал (Моря поежился от неприятных, еще не столь далеких воспоминаний), лезвие кинжала было окровавлено, и капли крови капали на тело женщины, лежащей у ног молодого человека.

Лицо ее было отчетливо видно. Это была обворожительная женщина с огромными, трагическими глазами и черными вьющимися волосами. Красавица! При взгляде на нее хотелось зарыдать оттого, что таких женщин увидишь лишь на афишах синематографа, но не встретишь ни на Молдаванке, ни на Большом, а также Малом Фонтане, ни на Дерibasовской улице, ни даже на Французском бульваре, ни в Александровском саду или на Ришельевской лестнице. Однако Моря доподлинно знал, что такая женщина есть на свете! Знали это и те многочисленные одесситы, которые стояли в длинной очереди перед синематографом «Киноуточкино», с вожделением взирая на афишу, объявлявшую о показе модной фильма «Последнее танго» с участием королевы экрана Ве-

ры Холодной.

О, как же она прекрасна, королева экрана Вера Холодная! Ее темно-серые, почти черные глаза с поволокой, ее взгляд чуть исподлобья, ее капризный детский рот, надменные брови, нежный подбородок, ее томные веки и длинные загнутые ресницы, ее изысканные руки в перстнях и браслетах и стройные ножки, которые зритель фильма «Позабудь про камин, в нем погасли огни» мог видеть обнаженными до самого колена... О, как же все это прекрасно!

В нее были влюблены все: мужчины и женщины. В нее были влюблены и Моня Цимбал, и Миша Япончик, и Лёша Гришин-Алмазов... В нее влюблены красные, белые, зеленые... Вся Россия в нее влюблена! Вся Россия смотрела ее фильмы и пела романсы из этих фильм.

Моня прислушался. Да, ему не померещилось: несколько человек, притопывая, чтобы согреться, напевали песенку, которая была написана популярной певицей Изой Кремер. По этой песенке снята кинокартина «Последнее танго» с Верой Холодной в главной роли, и Моня недавно слышал ее от короля Молдаванки:

Но вот навстречу вышел кто-то стройный...

Он Кло спокойно руку подает.

Партнера Джо из Аргентины знойной

Она в танцоре этом узнает!

Трепещет Кло и плачет вместе с скрипкой.

В тревоге замер шумный зал...

И вот конец! Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал...

Моня посмотрел на нарисованный кинжал, потом перевел взгляд на безжизненное тело нарисованной красавицы и вздохнул: «Эта дама достойна того, чтобы ей поставить памятник из розового мрамора еще при жизни...»

И пошел дальше.

Он искал «красную шапку». «Красными шапками» в Одессе назывались рассыльные, которые в прежние времена разносили по заказу конфеты, цветы, подарки, любовные послания, поздравления... Раньше их биржа находилась у входа в Пассаж. Теперь-то, в феврале девятнадцатого, после кратковременного господства красных, «красные шапки» были почти все ликвидированы как класс, однако некоторые особи еще водились. Моня слышал, что такую «шапку» вполне можно найти в кафе «Фанкони» на углу Екатерининской улицы.

Там же неподалеку, на Дерибасовской, испокон веков находились цветочные ряды. Однако сейчас, зимой, ряды были пусты: только какая-то унылая старуха чахла над горшком с подмороженной геранью.

Моня миновал опустелые цветочные прилавки и вошел в кафе. При «старом режиме» это было роскошное место с великолепными зеркальными витринами и стеклянными столиками, с бархатными портьерами и разноцветными попу-

гаями в золоченых клетках, однако после того, как красные похозяйничали в городе, от сверкающего великолепия Фанкони мало что осталось. Витрины до сих пор были забраны листами фанеры, а вместо стеклянных столиков стояли самые обыкновенные деревянные. Впрочем, и за ними не было ни единого посетителя, за исключением тощего сутулого старика со следами бывшего благообразия на лице. На старике было потертое пальто с башлыком, откинутым на плечи, бляха, как у железнодорожного носильщика, а на фуражке – табличка с облупленной надписью: «Рассыльный». Фуражка с галунами была красная, и Моня Цимбал понял, что нашел то, что искал.

Он сделал знак:

– Я имею вам сказать пару слов!

Старик подошел к нему с недоверчивым выражением лица, однако по мере того, как он слушал торопливый Монин шепот, лицо его приобретало восторженное выражение. Он несколько раз приложился носом к свертку, закатил глаза, изображая неземное блаженство, и спросил:

– Лилии? Неужели это лилии?!

Моня не удостоил его ответом. Он расплатился с «красной шапкой» и повернулся, чтобы уйти.

– А письмо для дамы? А карточка? – не унимался рассыльный, игриво подмигивая Моне.

– Все внутри, – буркнул Моня и вышел, придерживав дверь для «красной шапки».

Судя по всему, тот давненько не носил цветов, потому что бросился исполнять поручение со всех ног.

Моня не без печали посмотрел ему вслед и вновь упрятал нос в воротник. Он знал, что ему надо возвращаться на Молдаванку, однако, словно против воли, ноги вновь понесли его к синематографу «Киноуточкино».

Очередь желающих посмотреть «Последнее танго» не уменьшилась.

Моня Цимбал смотрел на неправдоподобно красивое лицо умирающей Кло, а сам словно бы видел того чудака-рассыльного, как он бежит до всех ног на Пушкинскую улицу, к гостинице «Бристоль», как по-свойски подмигивает швейцару, как подходит к портье и, сорвав со своей ноши некрасивую оберточную бумагу, открывает роскошный букет белых лилий, сладко, даже приторно благоухающих – невероятно-прекрасный, сказочно-неправдоподобный букет, – и говорит:

– Мадам Вере Холодной от мсье Эмиля Энно!

Моня махнул головой, отгоняя видение, от которого ему стало так тяжело на сердце, словно пуля из «велодога» Миши Япончика, короля Молдаванки, все же пронзила его.

– Ну что вы скажете на это несчастье? – шепнул он беспомощно, чувствуя, что у него начинает щипать глаза. – Это же кошмар! Ай-я-яй!..

Потом он покачал головой и побрел своим путем, бормоча себе под нос невнятно и не в лад:

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!..

* * *

Она появилась в Одессе в сентябре – таком солнечном и мягком, что в Черном море еще можно было купаться. Приехала Вера Холодная не сама по себе – с экспедицией кинофирмы Харитонова, на которую работала. В Одессе должны были происходить натурные съемки картины «Княжна Тараканова», а также сниматься фильмы «Цыганка Аза», «Песнь Персии», «Мисс Кетти», «В тисках любви»... Главных героинь всех этих фильм играла Вера Холодная, и когда она появлялась на улицах, одесситы забывали все свои дела и шли за нею, как загипнотизированные.

Да что одесситы! Вся Россия была загипнотизирована ею!

Она была невозможно, неотразимо очаровательна и загадочна. Каждое ее движение было тайной, каждый взгляд из-под низко надвинутой на лоб шляпки заставлял муж-

ское сердце загораться безумной, невероятной надеждой на неземное блаженство, а женское – холодеть от безнадежной зависти и к самой красавице, и к ее славе, и к ее шляпке.

Этих шляпок у Веры Холодной было великое множество (была даже выпущена целая серия открыток – киноактриса в своих чудных шляпках!), и все прелестные, необыкновенные, и женщины мучились, не спали ночами от того, что ни одной из них, даже самой богатой, не дано иметь такие шляпки. И в какой только лавке их продают, какие только модистки их делают?! А между тем Вера Холодная мастерила свои шляпки сама.

Ни на одной женщине платья не сидели так великолепно, как на ней: там, где нужно, плотно прилегая к стройному, но отнюдь не худому телу, и там, где нужно, ниспадая причудливыми складками. Платья Веры Холодной могли бы послужить иллюстрациями для журнала мод. И где только берут такие выкройки?! А между тем Вера Холодная не признавала никаких выкроек: портниха накалывала, натягивала, драпировала ткань прямо на ней, а потом только обрезала и сшивала там, где нужно.

Да что платья! Что шляпки! Что ажурные чулочки-паутинки, которые порою можно было увидеть на восхитительных ножках Веры Холодной! Что туфельки последней парижской модели!..

Ни одна женщина не благоухала так, как она. Лишь только актриса входила в комнату, как ноздри у всех присутствующи-

щих начинали алчно трепетать, и головы невольно поворачивались на этот сладковато-нежно-горьковатый аромат. И где, в каких только лабораториях алхимиков-парфюмеров изготавливали для нее эти духи?! – а между тем Вера Холодная просто брала духи двух марок – «Роз Жасмино» и «Кеши» – и смешивала их на коже. Вот именно на коже! И в сочетании с ее *благоуханной сутью*, как сказал один безмерно влюбленный в нее поэт, духи начинали пахнуть особенно, одуряюще, чарующе... Любая другая женщина, которая употребляла бы духи в таком количестве, отталкивала бы окружающих от себя громоздкостью аромата. Любая другая – но не Вера Холодная. У нее все было уместно, все кстати, ей все прощалось, даже этот вязкий, назойливый аромат... Все дело в том, что она была очень чувствительна к запахам, особенно к грубым запахам быта. Ей были антипатичны также некоторые цветы, например, гиацинты, гелиотропы, темно-бордовые розы и даже крупные, тугие осенние хризантемы с их влажным, полынным запахом вызывали у нее легкое удушье и кашель. Но ни от цветов, ни от грубых запахов жизни некуда было деться, именно поэтому она старалась создать между собой и миром ароматическую преграду, опустить эфемерный эфирный занавес, который не заслонял ее красоты, а еще и прибавлял к ней очарования.

Ни у одной женщины не было таких глаз, как у нее! С тех пор как с экрана взглянула на мир Вера Холодная, светлоглазые женщины чувствовали себя ущербными, обделен-

ными судьбой. Глаза красавицы должны быть только черными, и на какие только ухищрения не шли обезумевшие барышни и дамы ради этого! Они чернили верхние веки, а на нижние наводили устрашающие тени театральным гримом, после чего казались призраками, вот только что, несколько минут тому назад, восставшими из могилы. Они мазали ресницы черной тушью так щедро, что с них на щеки и на беленькие блузочки осыпались хлопья, и нежные особы, чудилось, только что выбрались из кочегарки, где либо занимались любовью с истопником, либо подрабатывали на жизнь, собственноручно швыряя уголь в топку. Они капали в глаза беладонну, чтобы зрачки расширились и зачерняли радужку, и от этого окружающие считали бедных дам кокаинистками и сторонились их. А между тем глаза Веры Холодной вовсе не были черными. Они были дымчато-серыми, порою казались темно-серыми. Впрочем, каждый воспринимал их по-своему. Одна поэтесса, ошалевшая от любви к актрисе (в начале безумного XX века фокусы с однополой любовью были очень даже в моде, как среди женщин, так и среди мужчин), вообще называла ее «капризной девочкой с синевою очей».

Дело, впрочем, было не в цвете глаз. Дело было в их выражении, в умении поглядеть чуточку исподлобья, враз и равнодушно, и пламенно, отчего казалось, будто их заволакивает черный туман. Смотреть в эти колдовские глаза было невыносимо, но при этом хотелось только одного: смотреть в них снова и снова.

Она была не только королева экрана – она была королевой сердец. И, конечно, у женщины с таким неотразимым, колдовским очарованием должна была сложиться невероятная, бурная, роковая судьба!

Жизнь Веры Холодной рассказал всем влюбленный в нее певец Александр Вертинский. Это была не жизнь, а «вечерняя жуткая сказочка»!

Она многих любила и многих бросила. Они целовали ей пальцы... именно не руки, а пальцы! Среди ее любовников были самые экзотические личности: какой-то загадочный негр с лиловой от страсти кожей, и маленький распутный китайчонок Ли, и какой-то португалец с роковым взором, а еще – малаец, сведущий в самых экзотических способах любви. С ними и с маленьким похотливым креольчиком она шлялась по притонам Сан-Франциско, вернее, приезжала туда на авто, закутавшись в манто, которое подавал ей все тот же лиловый негр, при одной мысли о котором дамы и девицы начинали учащенно дышать.

Одни свято верили в «притоны Сан-Франциско». «А может быть, Вертинский тут что-то напутал или немножечко присочинил. Они ведь, поэты, и соврут – недорого возьмут!» – сомневались другие.

Однако все равно – актриса отнюдь не может быть оплотом нравственности. Уж, конечно, Вера Холодная не раз побывала замужем. Среди ее супругов – все знаменитые артисты кино: Витольд Полонский – высокий, утонченный, с ка-

призным лицом любимца женщин; Осип Рунич – записной соблазнитель, перед которым не устоит ни одна, самая добродетельная особа, где уж там актрисе; Иван Мозжухин – с тех пор как он сыграл отца Сергея в экранизации рассказа Толстого, все дамы и барышни были в него смертельно влюблены и нежно называли душкой; актер и режиссер Петр Чардынин – демон, ах, это был сущий демон! Ну и, конечно, Вера Холодная побывала в объятиях и Владимира Максимова, и «огненного дьявола», красавца-кавказца Амо Бек-Назарова, и режиссера Евгения Бауэра, который сделал из нее кинозвезду, и самого владельца киноателье «Ханжонков и К°», что вызвало неистовую ревность его жены Антонины, и кинодельца Дмитрия Харитонов. . . И когда неожиданно застрелился светский ловелас, сын одесского «чайного короля» Высоцкий, всем было понятно, что он покончил с собой, отвергнутый красавицей-актрисой. А тот же Вертинский?! Уж наверняка и он был одним среди многих. Ведь он называл Веру Холодную своей сероглазочкой, свой золотой ошибкой, цветком из картины Гойя.

Когда газеты и афиши объявили, что на экраны скоро выйдет фильма «Тернистый путь славы», в которой будет рассказано о жизни обожаемой актрисы, ее поклонники и поклонницы спать не могли от нетерпения. Вот теперь-то они все узнают доподлинно: и про лилового негра, и про экзотические португальско-малайские ласки, и про роковую страсть «огненного дьявола», и про то, кто же, в конце кон-

цов, ей теперь целует пальцы...

Увы! Фильма Петра Чардынина, снятая в киноателье Харитоновна, хотя и собрала огромные деньги, однако многих разочаровала. Уж очень приземленную жизнь, оказывается, вела Вера Северная (так звали в фильме Веру Холодную)! Ну невозможно, никак невозможно, чтобы она была всего лишь любящей и любимой женой какого-то там бывшего юриста, ныне фронтового поручика, матью двух дочек, скромницей, свято хранящей супружескую верность, труженицей, которая самоотверженно работала *артисткой в синематографе*, как другие дамочки работают приказчицами в магазинах и лавках, библиотекарями в библиотеках, фельдшерицами в больницах. Нет!

Фильме никто не поверил. А между тем в ней все было правдой. И в то же время картина лгала, как всегда лгал своим зрителям синематограф.

Она любила стоять перед зеркалом. В зеркале отражалась редкостная красавица, только внешне похожая на Веру Левченко, «полтавскую галушку», как называла ее мамочка за приятную полноту и любовь покушать. Но если Вера Левченко, которая родилась 5 августа 1893 года в Полтаве, жила там с родителями – Василием Андреевичем, учителем словесности и Екатериной Сергеевной, – потом переехала с ними в Москву, под крылышко овдовевшей бабушки, радовалась рождению сестричек Сони и Нади, плакала над умершим от-

цом, училась в гимназии Перепелкиной... то эта красавица с печальными глазами жила в зеркале совсем другой жизнью: волшебной, праздничной. Иногда Вере Левченко удавалось к этой жизни прикоснуться.

Как-то раз вместе с подругами-гимназистками Вера попала в Большой театр – и поняла, что именно в этой невероятной стране обитает сероглазая колдунья из зеркала. Вера заболела балетом, умолила родителей отдать ее в училище при Большом, и, что самое изумительное, ее туда приняли – именно за удивительную красоту ее нежного лица. Допустили в царство красавиц, принцесс и фей! Однако стоило строгой бабушке Екатерине Владимировне Слепцовой увидеть свою внучку с голыми ногами, в обтягивающей «рубашонке» и в пышной юбке, которая при малейшем движении колыхалась так, что *всё-всё* было видно, как она настрого велела забрать Веру из балетной школы. Целый год длились попытки умаслить бабушку, но они оказались напрасны, а поскольку семья Веры от Екатерины Владимировны зависела, пришлось подчиниться.

Вера никак не могла снова освоиться в гимназии... да тут еще ей удалось сходить на гастроли петербургской актрисы Веры Комиссаржевской. Давали трагедию Габриэле д'Аннуцио «Франческа да Римини», и печальная любовная история перевернула Вере душу. Она теперь часами простаивала перед зеркалом и читала *той* красавице монологи Франчески да Римини. Итальянская пьеса была переведена Валери-

ем Брюсовым и Вячеславом Ивановым нарочно для Комиссаржевской, и, как это часто бывает, довольно обыденный иностранный текст поднялся в переводе до высот истинной поэзии.

«Девочка грезит о театре!» – сокрушалась мама, которая отчаянно боялась, что строгая бабуля опять будет недовольна. Но Вера гредила не о театре, а о волшебной стране, и доводила себя этими грезами, этими стояниями перед зеркалом до истерик и обмороков.

– Ваша девочка чрезмерно впечатлительна, – сказал доктор. – Берегите ее.

Но Вера не хотела беречься. Наоборот – теперь она записалась в гимназический театр и с восторгом играла там трагические роли. Она путала слова, забывала ход действия и не вовремя выходила из-за кулис, мешая другим актерам, но, когда нужно было страдать или умирать на сцене, равных Вере не было. Все – от гимназисток до учительниц – рыдали, глядя на ее очаровательное лицо, искаженное подлинной му́кой, и полные настоящих слез глаза.

Забавно – она была счастлива только тогда, когда ей приходилось изображать несчастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.